ПОЛІС

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

И. Г. Дубов

Уровень религиозности и влияние религиозных установок на отношение россиян к политическим лидерам

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Dubov_2001_2.pdf

URL:http://www.civisbook.ru

УРОВЕНЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ И ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ УСТАНОВОК НА ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К ПОЛИТИЧЕСКИМ ЛИДЕРАМ

И.Г. Дубов

ВВЕДЕНИЕ

В последние 15 лет в России наблюдается заметный рост влияния религии на жизнь граждан. Восстанавливаются и открываются церкви, мечети и молельные дома, широко отмечаются религиозные праздники, церковные службы транслируются по телевидению. Огромное количество россиян совершили обряд крещения, а церемония бракосочетания все чаще завершается венчанием.

Активное проникновение религии в массовое сознание и соответствующее повышение роли церкви в государстве не могло не сказаться на политической жизни, в частности, на поведении политиков. Руководители государства начали посещать церковные службы, а церковные иерархи — светские приемы. Священнослужители благословляют солдат перед боем, освящают бронетехнику и казармы, а светская власть награждает церковных иерархов высшими государственными наградами. Масштабы описываемого явления настолько велики, что вызывают серьезную обеспокоенность антиклерикальных кругов. Развертывание процессов десекуляризации в сфере образования, усиление участия церковнослужителей в социально-экономической жизни страны, а также укрепление взаимосвязей между светской и церковной элитами даже породили у некоторых аналитиков опасения относительно девальвации в России принципа отделения церкви от государства [см. напр. Малашенко 2001].

Происходящие в обществе изменения повлекли за собой и трансформацию социальных ожиданий граждан. Оценивая политических деятелей, население уже обращает внимание не только на их идеологические и политико-экономические ориентации, но и на степень религиозности и конфессиональную принадлежность лидеров. Последние же, в свою очередь, стали учитывать религиозные настроения избирателей и разными способами демонстрировать свою поддержку церкви.

В то же время приходится констатировать, что достоверной информации о параметрах изменения массового сознания в указанной сфере практически нет. Периодически звучащие высказывания экспертов относительно того, что думают избиратели по поводу религиозности и конфессиональной принадлежности политиков, как правило, не опираются на эмпирические данные. И дело тут отнюдь не в нежелании использовать результаты опросов общественного мнения, а в отсутствии опросов, направленных на изучение глубинных сдвигов в религиозном сознании россиян. Между тем, для того чтобы выявить отношение электората к религиозным ориентациям политиков, необходимо оценить соответствующий фон, т.е. степень религиозности самих избирателей, содержание доминирующих в их сознании религиозных убеждений.

Проблема осложняется тем, что сегодня мы по сути лишены возможности достоверно оценить динамику уровня религиозности в нашей стране по сравнению с советским периодом. По утверждению представителей патриархии, церковь не вела и не ведет подобной статистики. Те же немногочисленные социологические опросы по рассматриваемой тематике, которые проводились до конца 1980-х годов, были методологически несовершенными, идеологиче-

ДУБОВ Игорь Глебович, кандидат психологических наук, зав. лабораторией социально-психологических проблем сознания Психологического института РАО.

ски заданными и, главное, имели исключительно региональный характер* [см., напр. Алексеев 1967; Морозов, Лисавцев 1970; Кобецкий 1978; Базарбаев 1980; Гуров 1980; Степанов 1987]. Точных, объективных замеров в то время практически не делалось, поэтому получаемые сейчас показатели невозможно корректно сравнивать с данными прошлых лет.

Лишь с конца 1980-х — начала 1990-х годов, после создания ВЦИОМ, в нашей стране стали проводиться исследования требуемого формата. Именно благодаря им теперь удается проследить хотя бы десятилетнюю динамику изменений религиозного сознания россиян. Так, в частности, по данным ВЦИОМ, в июне 1991 г. соотношение людей, считавших себя верующими и неверующими, составляло 31,0% к 60,9%, а в ноябре 2000 г. оказалось уже обратным — 55,2% к 34,5%. (Эти данные коррелируют с данными ФОМ, согласно которым в августе 2000 г. соотношение верующих и неверующих составляло 64% к 31%.)

Однако и сегодня абсолютное большинство социологических исследований по рассматриваемой тематике посвящено главным образом формальной стороне веры (принадлежность к определенной конфессии, отправление обрядов, выполнение религиозных норм и пр.), а также устойчивости взглядов верующих, соотношению среди них колеблющихся и ортодоксов. Кроме того, изучается роль церкви в общественной жизни, влияние религиозности на социальное поведение людей, проблема секуляризации и десекуляризации, отношение к иным, прежде всего нетрадиционным, конфессиям и т.п. Вопросы, связанные с содержанием религиозных воззрений и глубиной понимания религиозных постулатов, объясняющие многие наблюдаемые в массовом религиозном сознании феномены, в т.ч. и степень устойчивости взглядов верующих, почему-то интересуют исследователей гораздо меньше.

Между тем неоднократно отмечалось, что в России религиозность людей, называющих себя верующими, часто весьма поверхностна и сводится лишь к принятию соответствующей символики и соблюдению формальных требований (ношение нательного креста, отказ от употребления в пищу свинины и т.п.). В основе такой религиозности нередко лежит исключительно стремление заявить себя продолжателями "дела отцов", восстановить разрушенную связь времен, найти свою национальную идентичность, что отнюдь не обязательно предполагает содержательное освоение и принятие религиозных догматов. С целью проверки гипотезы о том, что религиозные воззрения многих россиян, искренне считающих себя верующими, имеют на самом деле поверхностный, псевдорелигиозный характер, в августе 1999 г. под руководством автора** было проведено специальное исследование*** .

Определение степени религиозности россиян осуществлялось на основе выявляемой в ходе опроса самооценки респондентов. Конечно, при таком подходе не всегда удается избежать влияния социальных ожиданий на ответы

*** Одно из немногих исключений — исследование У.Флетчера, который по косвенным данным пытался реконструировать истинный уровень религиозности в СССР в конце советского периода. По заключению ученого, в середине 1980-х годов доля верующих среди русского населения составляла приблизительно 30%, а среди нерусского — 60% [Флетчер 1987: 28-35].**

**** Автор благодарит за содействие в организации и проведении исследования президента фирмы "Имидж-контакт" А.П.Ситникова, сотрудницу ИС РАН Т.И.Горину и сотрудника Психологического института РАО Л.М.Смирнова. Автор признателен также за помощь при составлении анкеты консультанту фирмы "Имидж-контакт" Н.М.Беленко и сотруднице агентства "Грей Москва" М.А.Поляковой.**

***** Общероссийский опрос, репрезентирующий все основные макрорегионы России и охватывающий 19 субъектов Федерации, в т.ч. три национальные республики — Чувашию, Башкортостан и Татарстан, а также Санкт-Петербург и Москву, проводился по заказу фирмы "Имидж-контакт". Выборка — 3 тыс.чел., квотированных по полу, возрасту (с 18 до 74 лет включительно), образованию, соотношению городского и сельского населения, национальности. Этап полевых работ осуществлялся московской социологической фирмой "Бизнес-Аналитика".**

Анализируемые в настоящей статье вопросы составили часть более широкой анкеты, направленной на выявление факторов, которые определяют имидж политического лидера.

опрашиваемых. Именно поэтому, в частности, в отличие от прошлых лет [см., напр. Кублйцкая 1990] колеблющиеся были отнесены к скорее неверующим, ибо даже простое преобладание верующих, вызывая изменение общественных настроений, порождает определенное психологическое давление на остальную часть населения. Тем не менее, поскольку в настоящее время в российском обществе нет общепринятого, "нормативного" отношения к Богу, сила подобного давления была признана незначительной. Кроме того, подобный подход позволял сравнивать полученные в ходе исследования данные с данными других социологических агентств, что само по себе представляется весьма ценным.

ГЛУБИНА РЕЛИГИОЗНОСТИ РОССИЯН

Прежде чем приступать к более тонкому анализу степени религиозности россиян, следовало выяснить, как опрошенные оценивают свое отношение к религии. Распределение ответов на этот вопрос приведено в *табл. 1*.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос об отношении к религии (в %)*

Исповедую православие	53,5
Придерживаюсь другого христианского вероисповедания (католицизм, протестантство и пр.)	2,0
Исповедую ислам	5,4
Исповедую буддизм	0,1
Исповедую иудаизм	0,1
Являюсь неверующим	27,2
Другое	3,2
Затрудняюсь ответить или нет ответа	8,5

Таким образом, как минимум 61,1% наших респондентов сочли себя верующими и лишь 27,2% (вместе с затруднившимися — 35,7%) — неверующими. Тот факт, что в стране, граждане которой еще пятнадцать лет назад считались атеистами и материалистами, практически в одночасье оказалось две трети верующих, в очередной раз подтвердил необходимость подробного исследования уровня их религиозности. В первую очередь, интерес вызвали формальные признаки религиозности, выполнение верующими определенных религиозных обрядов. Хотя эта тема широко разрабатывалась ведущими социологическими агентствами**, в описываемом здесь исследовании респондентам был задан вопрос: "Что из нижеперечисленного (молюсь, хожу в церковь, соблюдаю посты, исповедуюсь, соблюдаю другие религиозные предписания) Вы делаете регулярно?" В результате выяснилось, что, помимо 27,2% неверующих, еще 40,2% опрошенных, назвавших себя верующими (т.е. 55,2% от их общего числа), не соблюдают никаких обрядов.

Одновременно обнаружилось, что неверующие также весьма неоднородны по степени своего неверия. Прежде чем спрашивать респондентов о том, как

*** Полученные данные серьезно расходятся с данными исследования, проведенного в 1995 г. Российским независимым институтом социальных и национальных проблем, согласно которому православные составляют 74% верующих, а мусульмане — 19%. Такое расхождение может объясняться, с одной стороны, разными принципами построения выборки и проведения опроса (опрос РНИСиНП проводился в местах компактного проживания верующих различных вероисповеданий [см. Мчедлов 1996: 22-31], а с другой — значительным ростом числа православных за последние пять лет.**

*** Так, в частности, по данным ВЦИОМ (сентябрь 1998 г.), периодически (не реже раза в неделю) молятся 18,6% россиян, не реже раза в месяц посещают религиозные службы — 9,3%, ежегодно исповедуются — 8,3%. Согласно более позднему исследованию ФОМ (август 2000 г.), периодически молятся 19% респондентов, читают Евангелие и другие религиозные тексты — 17%, соблюдают посты (хотя бы некоторые) — 11%.**

они понимают идею Бога, неверующих, а также тех, кто не захотел или затруднился ответить на вопрос о соблюдении религиозной обрядности (соответственно 4,2% и 3,4% опрошенных), попросили определить меру их атеизма. В результате только 16,8% этой группы (5,7% опрошенных) назвали себя убежденными атеистами, готовыми бороться с религией. Еще 19,8% (6,8% опрошенных) заявили, что Бог им не нужен, поэтому они просто не думают о нем. Вместе с тем 30,3% (10,4% опрошенных) признались, что иногда, хоть и неглубоко, задумываются о Боге, а 18,5% (6,3% опрошенных) сообщили, что на самом деле им очень хочется поверить в Бога, но что-то пока мешает.

Однако, как уже отмечалось, выполнение или невыполнение церковных обрядов не может служить надежным показателем религиозности людей. В связи с этим было решено проанализировать глубину религиозных воззрений российских верующих, отделив материалистическую составляющую этих воззрений от собственно религиозной. (В данном случае под религией понималась вера в сверхъестественное, строящаяся на некритическом восприятии религиозных догм, а также особый способ постижения мира, основанный на мистическом вчувствовании и являющийся антиподом рационального научного познания. Соответственно, под материалистической основой религиозных воззрений подразумевалось признание христианской, мусульманской, буддистской и других религиозных этик продуктом развития человеческого общества, "потусторонних явлений" — непознанными пока наукой феноменами материального мира, а Бога — неким вселенским разумом, чья материальная природа позволит человечеству со временем приблизиться к его разгадке. К собственно религиозным составляющим такого рода воззрений были отнесены: понимание Бога как исключительно духовной сущности, познаваемой только сердцем; восприятие христианской, мусульманской и др. морали в качестве свода поведенческих норм, предписанных Богом; и представление о существовании потустороннего мира, не поддающегося научному осмыслению.) Иначе говоря, в исследовании была предпринята попытка отделить рациональное толкование явлений, относящихся к сфере компетенции религии, от иррациональной (по терминологии Э.Фромма) веры [см. Фромм 1999: 28].

В ходе реализации указанного замысла респондентам было задано пять вопросов. Первые три касались трактовки таких паранормальных явлений, как колдовство, телепатия и призраки. Четвертый был посвящен представлениям респондентов о природе Бога. Пятый затрагивал проблему происхождения религиозных этических кодексов.

Таблица 2

Распределение ответов на вопросы о возможности научного объяснения паранормальных явлений (без затруднившихся ответить; в % по столбцу)

	Верующие		Неверующие		Неопределившиеся		Всего	
	да	нет	да	нет	да	нет	да	нет
Научное объяснение колдовства	34,1	38,0	38,3	39,1	36,6	25,4	36,0	36,9
Научное объяснение телепатии	40,9	29,6	47,7	29,6	42,9	20,3	43,6	28,6
Научное объяснение призраков	24,0	43,2	27,1	45,6	23,4	32,3	25,3	42,8

Из приведенных в таблице данных видно, что верующие и неверующие во многом сходятся в трактовке сверхъестественного. (Как будет показано ниже, аналогичное совпадение или, скорее, смешение взглядов указанных категорий граждан наблюдается и в ответах на вопросы о сущности Бога и о природе ре-

лигиозной морали.) Думается, что подобная недифференцированность позиций объясняется большой путаницей в умах соотечественников, которые, с одной стороны, не имели возможности и зачастую желания разобраться в основных церковных догматах, а с другой — никогда не были сознательными и последовательными материалистами. В связи с этим можно говорить об условности границы между теми респондентами, которые причисляют себя к верующим, и теми, кто считает себя неверующим.

Вместе с тем следует отметить, что при относительном сходстве взглядов верующих и неверующих общее отношение людей к различным проявлениям сверхъестественного далеко не одинаково. Наиболее распространенным оказалось представление о материальной основе телепатии. Несколько больше сомнений вызвала возможность научной трактовки колдовства. И хуже всего поддавались рационалистическому объяснению призраки.

Причины такого расхождения в отношении к перечисленным паранормальным явлениям требуют специального исследования. Однако хотелось бы обратить внимание на следующий факт. В столь популярной сегодня фантастической литературе (имеются в виду как "фикшен", так и "фэнтези") весьма часто дается материалистическое объяснение телепатии. Заметно меньше произведений, предлагающих соответствующую трактовку колдовства, и практически нет таких, где бы подобным образом характеризовались призраки. В свою очередь, в мистической литературе трудно встретить рассуждения о телепатии, чего нельзя сказать о колдовстве и, тем более, о призраках, выступающих в качестве почти непременного атрибута такого рода произведений. Отмеченное совпадение между содержанием литературных произведений и состоянием общественного сознания вряд ли случайно. Трудно, конечно, сказать, что здесь первично, а что — вторично. Вполне возможно, что литература просто отражает сложившиеся в массовом сознании представления и удовлетворяет общественные ожидания. Однако ясно и то, что она, со своей стороны, влияет на массовое сознание, формируя в нем определенные установки и стереотипы.

Иначе относятся опрошенные к самой идее Бога. В отечественной социологии уже предпринимались попытки проанализировать представления наших сограждан о том, что есть Бог [см., напр. Лопатин 1970: 26-27; Андрианов 1975: 8]. Бог рассматривался как Демиург — творец Вселенной, как находящийся вне индивида субъект его воли, как высшая из мистических сил, обладающая способностью творить чудеса. В настоящем исследовании была поставлена задача выяснить, какой видится респондентам природа Бога — духовной или материальной, как они оценивают возможность познать его сущность рациональными научными методами.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос о природе Бога (в % по столбцу)

Что, по Вашему мнению, представляет собой то, что люди называют Богом?	Верующие	Неверующие	Другое	Неопределившиеся	Всего
Вселенский разум или космическая сила, имеющие некое материальное воплощение, не изученное наукой	16,1	13,5	15,2	11,7	15,0
Непознаваемая разумом и нематериальная высшая сила, которую можно постичь только сердцем	58,2	25,6	54,2	32,9	47,1
Бога вообще нет	0,0	31,3	1,9	3,8	9,3
Другое	3,8	4,5	11,7	3,3	4,2
Отказались от ответа	5,6	8,4	7,8	13,7	7,1
Затруднились ответить	15,7	16,6	9,3	34,6	17,3

Приведенные данные показывают, что многие из объявивших себя неверующими признают существование Бога. Мало того, среди них имеются приверженцы не только материалистической, но и сугубо религиозной его интерпретации. Причем, поскольку в закрытие был включен ответ "Бога вообще нет", вряд ли есть основания полагать, что, соглашаясь с характеристикой Бога как нематериальной и непознаваемой разумом силы, эта категория неверующих руководствовалась соображениями типа "Бога нет, но раз вы спрашиваете, что он из себя представляет, то верующие думают...".

Все это позволяет утверждать, что среди тех, кто отнес себя к неверующим, многие, строго говоря, не являются атеистами. В первую очередь это касается сторонников нематериалистической трактовки Бога, которых, вопреки их собственным утверждениям, следует считать людьми религиозными. Аналогичным образом, ту часть верующих, которые признают возможность рационального постижения сущности Бога, нельзя назвать верующими в полном смысле слова.

Сходную картину дало и распределение ответов на вопрос о происхождении морали*, хотя в этом случае соотношение приверженцев материалистического и религиозного подхода оказалось обратным (см. *табл. 4).*

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос о происхождении морали (в % по столбцу)

	Верующие	Неверующие	Другое	Неопределившиеся	Всего
Божественное происхождение	25,8	5,7	17,8	4,5	18,3
Частично божественное происхождение, частично продукт развития человеческого общества	31,0	12,9	22,4	24,3	25,2
Продукт естественного развития человеческого общества	32,5	66,1	44,0	41,4	42,8
Отказались от ответа	1,2	3,2	2,8	5,5	2,2
Другое	0,4	0,6	2,7	0	0,5
Затруднились ответить	9,1	11,2	10,3	24,4	11,0

Таким образом, исследование показало, что в настоящее время практически половина совершеннолетних жителей России признает существование Бога как нематериальной и непознаваемой разумом силы; считает мораль, хотя бы в своей основе, данной от Бога и признает наличие рационально не познаваемого и научно не объясняемого потустороннего мира. Подобное положение дел, свидетельствуя об исключительно высоких темпах религиозного ренессанса и быстрой сдаче материалистическим мировоззрением своих позиций, требует самого серьезного осмысления.

Детальный анализ причин резкого роста религиозности россиян выходит за рамки настоящего исследования. Тем не менее хотелось бы отметить ряд факторов, несомненно способствовавших этому процессу. Один из них — ликвидация внешнего, в первую очередь государственного, давления на верующих и, что особенно важно, их социальной дискриминации при приеме в вузы, на работу, при назначении на руководящие посты и т.п. В результате ощущение

*** Полученные данные хорошо коррелируют с данными ВЦИОМ (сентябрь 1998 г.) о понимании нашими соотечественниками природы Библии: 13,7% видят в ней подлинное Слово Божье, 28,7% полагают, что Библия есть вдохновленное Богом, но записанное человеком Слово, и потому не все в ней надо воспринимать буквально, еще 20,7% считают ее древней книгой сказок, легенд, рассказов об исторических событиях и моральных предписаний, которая написана людьми, а 36,9% не имеют на этот счет определенного мнения.**

того, что верующим быть стыдно и даже опасно, стало понемногу исчезать, и уставшие от бездуховности люди получили наконец возможность приникнуть, фигурально выражаясь, к живительному первоисточнику общечеловеческих ценностей.

Не вызывает также сомнений, что религиозный ренессанс в России во многом явился следствием тех потрясений, которые пришлось пережить нашей стране за последние полтора десятилетия. В условиях радикальной трансформации всей устоявшейся системы жизнеустройства многие россияне потеряли почву под ногами и почувствовали потребность в утешении, которого не могли найти в окружающей действительности. Подобная реакция вполне закономерна: недаром в эпохи общественных катаклизмов всегда наблюдается всплеск религиозности и усиливается тяга к мистицизму. При этом, естественно, особую склонность к религиозному взгляду на мир проявляют те категории населения, которые испытывают наибольшие сложности с адаптацией к новым реалиям.

Косвенным подтверждением справедливости такого заключения может служить выявленное в ходе опроса половозрастное распределение верующих и неверующих (см. *табл. 5).*

Таблица 5

Половозрастное распределение верующих и неверующих (в % по столбцу)

	Муж.	Жен.	18-24	25-34	35-44	45-54	55-64	65-75	Всего
Верующие	49,6	70,9	56,5	55,3	57,5	56,5	67,0	75,7	61,1
Неверующие	37,9	17,9	28,8	28,8	30,6	32,3	23,8	17,0	27,2
Другое	3,5	3,1	3,1	4,5	3,9	2,4	3,4	1,9	3,2
Затруднившиеся ответить	9,0	8,0	11,6	11,4	7,9	8,8	5,8	5,4	8,5

Итак, выясняется, что среди мужчин соотношение верующих и неверующих — 49,6% к 37,9%, а среди женщин — 70,9% к 17,9%. Аналогичным образом, если у тех, кто не достиг 55 лет, такое соотношение составляет 55-57% к 29-32%, то в возрастной группе 55-64 года оно равняется уже 67,0% к 23,8%, а среди 65-75-летних — 75,7% к 17,0%. При этом стоит вспомнить, что формирование людей, которым сейчас 65-75 лет, пришлось на 1940 — 1950-е годы, т.е. на время абсолютного господства государственного атеизма и практически полного изгнания церкви из жизни общества. Следовательно, столь резкое преобладание среди них верующих не может объясняться особенностями их образования и воспитания.

В числе причин стремительного роста религиозности наших соотечественников следует назвать и безусловную слабость тоталитарной пропаганды, никогда не ставившей перед собой задачу действительно убедить сомневающихся и искренне ищущих ответы на свои вопросы людей. Беспрестанно повторяя "навязшие в зубах" формулы и не позволяя людям реально сравнивать альтернативы и делать осознанный выбор, советская пропаганда (в т.ч. атеистическая) по сути действовала в парадигме веры. Между тем формирование атеистического мировоззрения может опираться исключительно на убеждение и аргументацию, апеллирующую к фактам и логике*.

Поскольку в основе научного познания мира лежит постоянное сомнение, препятствующее принятию каких-либо утверждений на веру, можно было предположить, что по мере повышения образовательного уровня респондентов доля верующих среди них будет сокращаться (хотя, конечно, высокий уровень образования сам по себе не гарантирует высокую критичность интеллекта). Полученные в ходе исследования данные частично подтвердили такое предположение (см. *табл. 6).*

*** Подробнее о принципиальной разнице между верой и убежденностью см. [Дубов 1989].**

Таблица 6

Распределение верующих и неверующих среди образовательных групп (в % по столбцу)

	Начальное и неполное среднее	Среднее школьное	Среднее специальное	Высшее
Верующие	66,9	56,1	60,5	53,4
Неверующие	24,3	30,0	26,9	33,0
Другое	2,2	2,9	4,2	4,1
Затруднившиеся ответить	6,6	11,0	8,4	9,5

Гораздо более смазанная картина получается при анализе ответов респондентов, относящихся к разным образовательным группам, на вопрос о природе Бога. Так, в группе лиц с начальным и незаконченным средним образованием соотношение сторонников идеалистической и материалистической (включая ответ "Бога нет") трактовки Бога — 44,9% к 19,5%, среди имеющих среднее образование — 46,5% к 25,4%, у получивших среднее специальное образование — 47,6% к 25,7%, а у закончивших вузы — 46,2% к 31,3%. Интересно, что среди соответствующих категорий верующих соотношение выбравших идеалистическую и материалистическую трактовку Бога аналогично — 54,6% к 12,4%; 62,0 к 15,8%; 59,9% к 19,5% и 58,6% к 20,2%. Иными словами, хотя по мере роста образовательного уровня доля "материалистов" несомненно увеличивается, корреляции между уровнем образования и идеалистическим восприятием Бога не прослеживается. Возможно, причина здесь в том, что малообразованные респонденты гораздо чаще высокообразованных испытывают сложности с определением своей позиции по этому вопросу: по выборке в целом доля малообразованных, затруднившихся с ответом, составила 23,5%, а высокообразованных — 9,6% (среди верующих — 22,6% и 8,3%, соответственно).

Приведенные данные хорошо коррелируют с распределением числа верующих и неверующих по точкам опроса. В крупных городах соотношение между верующими и неверующими составляет 58,8% к 27,8%, в средних и маленьких городах — 61,4% к 26,2%, в селах — 63,5% к 28,0%. Аналогичным образом, материалистическое понимание Бога высказывают 17,6% жителей крупных городов, 14,7% — маленьких и средних и 12,0% сельских жителей.

Подводя итоги этой части исследования, можно сделать три важных вывода. Во-первых, практически во всех проанализированных стратах на одного неверующего приходится примерно по два верующих. Во-вторых, религиозность, сменившая навязанный обществу, но глубоко не усвоенный атеизм, имеет довольно поверхностный характер: среди верующих есть немало людей, исходящих в своей вере из материалистической трактовки Бога, а среди неверующих — тех, кто принимает религиозный взгляд на мир. И в-третьих, рост удельного веса неверующих или предпочитающих материалистическую трактовку Бога связан, прежде всего, с ростом уровня образования, коррелирующего, в свою очередь, с уровнем урбанизации.

Вместе с тем, учитывая чудовищный стресс, пережитый населением нашей страны в конце 1980-х — начале 1990-х годов, и навязанность господствовавшего в течение десятилетий государственного атеизма, удивительным (особенно в свете произошедшей смены поколений) представляется не то, что треть россиян практически мгновенно в масштабе человеческой истории поменяли свою религиозную самоидентификацию, признав себя верующими, но скорее то, что треть наших соотечественников все еще называют себя неверующими, а половина так и не готова принять религиозное по своей сути отношение к Богу. В этой связи несомненный интерес вызывает предстоящая динамика процесса в условиях доминирования светского государства. Судя по данным опроса, в настоящей момент Россия находится в точке бифуркации. Будет ли религиозность ее граждан и дальше возрастать или произойдет откат и материалистическое мировоззрение вновь возобладает, может показать только время.

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ УСТАНОВОК НА ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К ПОЛИТИЧЕСКИМ ЛИДЕРАМ

ПРЕДПОЧИТАЕМАЯ КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПОЛИТИКА

Выявленные особенности религиозного сознания россиян еще раз подтвердили важность тщательного анализа отношения населения нашей страны к религиозности политических лидеров. Было понятно, что ее уровень и характер вряд ли сильнее мотивируют выбор избирателей, нежели профессиональная подготовка, деловые, интеллектуальные, а также личностные качества политиков. В то же время представлялось маловероятным, чтобы религиозные ориентации последних не имели для электората абсолютно никакого значения. Степень важности данного фактора и было призвано определить настоящее исследование*.

Для решения этой задачи в ходе опроса респондентам было предложено дополнить следующие высказывания: "Я бы поддержал кандидата на пост губернатора нашей области/края, о котором было бы известно, что он..." и "Я ни за что не поддержал бы кандидата на пост губернатора нашей области/края, о котором было бы известно, что он..." (каждый мог выбрать любое количество позиций). В первом случае ответы распределились следующим образом (см. *табл. 7).*

Таблица 7

Предпочитаемая конфессиональная принадлежность кандидатов на пост губернатора (в % по столбцу)

	Верующие	Неверующие	Другое	Неопределившиеся	Всего
Исповедует православие	38,6	17,2	21,6	16,2	30,1
Придерживается другого христианского вероисповедания (католицизм, протестантизм)	25,6	13,3	9,5	13,8	20,6
Исповедует ислам	5,3	2,3	2.0	2,6	4,1
Исповедует буддизм	1,3	2,3	2,3	1,5	1,6
Исповедует иудаизм	0,7	2,1	2,1	2,2	1,3
Принадлежит к разрешенной религиозной секте (адвентисты и пр.)	1,2	1,6	1,6	0,9	1,3
Является неверующим	11,6	30,2	3,8	11,9	16,3
Религиозные убеждения политика не имеют для меня значения	24,0	44,3	41,4	43,2	31,8
Здесь нет позиций, которые серьезно улучшили бы шансы кандидата	2,3	3,4	10,8	7,0	3,3
Затрудняюсь ответить или нет ответа	7,6	8,0	23,7	20,9	9,5

*** В силу особенностей проведения опроса вопросы, касающиеся предпочитаемой конфессиональной принадлежности политиков, задавались только половине респондентов. В данной части выборки (которая строго воспроизводила все параметры выборки полной) 26,7% респондентов оказались неверующими, 60,5% — верующими и 9,5% затруднились определить свое отношение к религии.**

Как видно из таблицы, свыше 40% респондентов индифферентно относятся к религиозности политических деятелей. При этом для 31,8% (в т.ч. для 24,0% верующих) религиозные убеждения кандидатов в губернаторы вообще не имеют никакого значения, а 9,5% затрудняются определить свою точку зрения по этому вопросу. Еще более интересная картина открывается при анализе позиций тех, кто обращает внимание на религиозную ориентацию политиков.

Прежде всего следует отметить, что полученные данные разрушают стереотип, согласно которому люди, считающие религиозные убеждения политиков значимыми, должны отдавать предпочтение кандидатам, чья конфессиональная принадлежность и отношение к религии совпадает с их собственными. Между тем, хотя православные составляли львиную долю верующих респондентов (87,4%), лишь 38,6% верующих выразили готовность поддержать губернатора православного вероисповедания, а 11,6% высказались в пользу неверующего. Аналогичным образом, только 30,2% неверующих указали, что их симпатии на стороне неверующего кандидата. Мало того, поскольку каждый респондент мог выбирать любое число ответов, 29,6% представителей этой группы заявили, что для них вполне приемлем и православный кандидат, 28% не возражали против кандидата-мусульманина, а 3,9% — против иудея.

Проведенное исследование выявило и высокий уровень толерантности между приверженцами разных конфессий в рамках христианской традиции. Так, две трети людей, симпатизирующих православному кандидату, согласились поддержать и католика или протестанта. Одна из причин такой толерантности заключается, по-видимому, в том, что бурный рост религиозности рос-ши * сощуоъовдаш* слабъм шцеркоълсннем. В частности, в начале 1990-х годов было зафиксировано, что с 1990 по 1992 г. число "христиан вообще" увеличилось в 2,5 раза, а удельный вес среди них православных понизился в три раза [см. Воронцова, Филатов 1993: 146].

Вместе с тем толерантность наших сограждан по отношению к религиозным ориентациям политиков отнюдь не безгранична. Как показывает распределение ответов на второй из *заданных респондентам вопросов,* конфессиональная принадлежность кандидата способна стать причиной отторжения его заметной долей избирателей (см. *табл. 8).* Прежде всего это относится к представителям нетрадиционных для России направлений в христианстве (которые раньше было принято называть сектами), однако и принадлежность к исламу, буддизму и иудаизму может стоить кандидату свыше 20% голосов.

Таблица 8

Неприемлемая конфессиональная принадлежность кандидатов на пост губернатора (в % по столбцу)

Исповедует православие	4,7
Придерживается другого христианского вероисповедания	7,7
Исповедует ислам	23,1
Исповедует буддизм	21,7
Исповедует иудаизм	24,0
Принадлежит к разрешенной религиозной секте	30,6
Является неверующим	10,2

Причины отторжения частью электората сторонников ряда конфессий требуют дальнейшего изучения. Однако есть основания предполагать, что оно не связано с неприятием россиянами тех или иных религиозных постулатов и догм. Думается, что в его основе лежит скорее страх перед возможным разрушением хрупкого баланса в межнациональных отношениях, установившегося в последнее время в нашей стране. Конечно, не исключены и другие мотивы. Например, в случае с так наз. сектантами люди могут просто не доверять человеку, который в религиозной сфере предпочел установкам большинства позицию крохотного меньшинства (неосознанно полагая, что он может посту-

пить точно как же и в других вопросах). Впрочем, все это только гипотезы, нуждающиеся в дополнительной проверке.

Как бы то ни было, проведенное исследование позволяет утверждать, что сходство в вопросах веры не является для россиян главным мотивом их политического выбора. Для трети наших сограждан религиозные убеждения политических и государственных деятелей вообще не имеют значения, а большая часть остальных приемлет как атеистическое мировоззрение политика, так и его христианскую ориентацию. Судя по всему, события новейшей истории страны обусловили терпимость россиян к религиозному самоопределению личности, причем особенно рельефно эта терпимость проявляется именно в политической жизни.

Вместе с тем совершенно очевидно, что выводы, полученные на основе анализа данных по России в целом, нельзя механически экстраполировать на регионы с преобладанием мусульманского населения. Поэтому было решено провести специальное исследование материалов, собранных в национальных республиках Поволжья. При всем том, что указанные республики обладают определенной спецификой (в частности, по сравнению с республиками Северного Кавказа, где опрос не проводился), зафиксированные там тенденции способны дать ключ к пониманию процессов, происходящих в политической жизни других исламских регионов нашей страны.

Поскольку рамки статьи не позволяют подробно проанализировать ситуацию во всех трех обследованных республиках, здесь будут рассмотрены данные лишь по Татарстану — типичному поволжскому региону с высокой долей мусульманского населения. Следует отметить, что при проведении опроса не квотировались ни национальность, ни вероисповедание респондентов. Поэтому, чтобы правильно оценить положение дел в Татарстане, необходимо иметь в виду, что среди опрошенных жителей республики оказалось 57,9% русских и 41,0% татар. Верующими себя объявили 77,7% респондентов, неверующими — 13,4% (8,9% не смогли определить свою позицию). При этом 47,5% назвали себя православными, а 30,2% — мусульманами.

Таблица 9

Распределение ответов татарстанских респондентов о предпочитаемой конфессиональной принадлежности кандидатов на пост губернатора (в % от числа ответивших)

Исповедует православие	**6,6**
Придерживается другого христианского вероисповедания	**11,3**
Исповедует ислам	**27,8**
Исповедует буддизм	**2,7**
Исповедует иудаизм	**1,5**
Принадлежит к разрешенной религиозной секте	**0,0**
Является неверующим	**3,0**
Религиозные убеждения политика не имеют для меня значения	**37,7**
Здесь нет позиций, которые серьезно улучшили бы шансы кандидата	**4,0**
Затрудняюсь ответить или нет ответа	**23,0**

При сопоставлении данных, приведенных в *табл. 7* и 9, видно, что специфика Татарстана по сравнению с Россией в целом не сводится лишь к росту числа поддерживающих кандидатов-мусульман. Она проявляется еще и в том, что доля татарстанцев, безразлично относящихся к религиозной ориентации кандидата или затруднившихся определить свою позицию по этому вопросу, заметно превышает общероссийские показатели. Такое различие могло бы свидетельствовать о большей, чем в среднем по стране, толерантности жителей Татарстана к религиозной идентификации политических деятелей, если бы не одно обстоятельство.

В ходе опроса обнаружилось, что среди татарстанцев, индифферентно настроенных по отношению к религиозным установкам политиков, 76% состав-

ляют русские и 24% — татары. Это указывало на необходимость посмотреть, как распределяются ответы внутри каждой из национальных групп. В итоге выяснилось, что высокая толерантность татарстанцев к религиозной ориентации политического лидера обеспечена в основном ответами русской части населения республики, тогда как симпатии большинства татар однозначно на стороне приверженцев ислама (см. *табл. 10)**. Соотношение русских и татар, которым безразличны религиозные убеждения политика (включая неопределившихся), — 75,6% к 40,0%; 11,3% русских готовы поддержать кандидата-мусульманина, и лишь 2,2% татар — православного.

Полученные результаты, казалось бы, позволяют сделать вывод о том, что русские в принципе значительно терпимее татар в религиозных вопросах. Однако, если сопоставить данные относительно позиций русского и татарского населения Татарстана с аналогичными данными по России в целом, то картина окажется гораздо сложнее (см. *табл. 10).*

Таблица *10*

Отношение русского и татарского населения Татарстана и России в целом к конфессиональной принадлежности кандидатов на пост губернатора (в % по столбцу)

	В России		В Татарстане	
	русские	татары	русские	татары
Готовы поддержать православного кандидата	33,6	9,3	8,0	2,2
Готовы поддержать кандидата-мусульманина	1,3	19,5	и,3	52,6
Религиозная ориентация кандидата не имеет значения	29,7	62,0	48,3	21,9

Из таблицы видно, что среди татарского населения России в целом доля симпатизирующих кандидатам-мусульманам существенно ниже, чем в Татарстане. Одновременно внетатарстанские татары охотнее, чем татарстанские, заявляют, что поддержат православного кандидата. Аналогичным образом, татарстанские русские гораздо менее склонны поддерживать православного кандидата, чем те, кто живет за пределами Татарстана, и, соответственно, намного лояльнее к политикам, исповедующим ислам. При этом указанные различия между русскими и татарами на каждой из рассматриваемых территорий во всех случаях, кроме поддержки православного в Татарстане, являются значимыми ($p < 0,01$).

Не вызывает сомнений, что подобная зависимость между местом проживания респондентов и степенью их ориентированности на политиков-единоверцев объясняется упоминавшимся выше давлением большинства на меньшинство. Практически не влияя на самоопределение людей в качестве верующих или неверующих (ибо, как уже говорилось, "нормативного" отношения к Богу в российском обществе нет), оно оказывается весьма значимым при определении их готовности (хотя бы декларативной) поддержать на выборах политика того или иного вероисповедания.

Однако главное заключается даже не в этом. Как свидетельствуют приведенные в *табл.* /Жданные, доля российских татар, высказавшихся в поддержку православного кандидата, и татарстанских русских, согласных голосовать за

*** Противоположные результаты были получены в ходе социологического исследования, проведенного в конце 1990-х годов в Татарстане К.Каарийненом и Д.Фурманом. Согласно заключению исследователей, "татары ко всем религиям несколько благожелательнее русских, как они впрочем благожелательнее и к другим народам" [Каарийнен, Фурман 1999]. Однако этот вывод строится исключительно на оценках самими респондентами своего отношения к другим религиям (например, в виде ответов на вопрос "Как Вы относитесь к РПЦ?"). Между тем очевидно, что подобные самооценки имеют сугубо формальный характер и выраженная на словах религиозная терпимость отнюдь не означает готовности поддержать на выборах представителя иной конфессии.**

мусульманина, существенно ниже доли заявивших, что религиозная ориентация политиков вообще не имеет для них значения. Это позволяет предположить, что, испытывая давление со стороны большинства, только небольшая часть представителей меньшинства движется в направлении, заданным указанным давлением (по крайней мере, в сфере религии). Более типичной оказывается иная реакция — индифферентность, а порой и откровенно нигилистическое отношение к тем вопросам, по которым трудно придерживаться собственной позиции.

ОТНОШЕНИЕ К ПУБЛИЧНЫМ ПРОЯВЛЕНИЯМ РЕЛИГИОЗНОСТИ ПОЛИТИКОВ

Проанализированные в предыдущем разделе данные во многом раскрывают специфику отношения россиян к религиозной ориентации политиков. Однако для того чтобы картина стала действительно полной, требовалось выяснить, каких форм религиозности (или неверия) избиратели ждут от кандидатов. В связи с этим респондентам было предложено ответить на вопрос о том, какие проявления религиозности усилили бы их симпатию к претенденту на пост губернатора (допускалось любое количество ответов). Распределение позиций по указанной проблеме отражено в *табл. 11.*

Таблица 11

Предпочитаемые формы проявления религиозной позиции кандидатов в губернаторы (в % по столбцу)

Религиозен, но не проявляет своей религиозности публично	40,0
Регулярно посещает службы	14,0
Оказывает материальную поддержку церкви	20,6
Активно содействует религиозному воспитанию молодежи	15,5
Активно противодействует церкви	5,0
Проявления религиозности политика не имеют для меня значения	20,4
Затруднились ответить	11,2

Как явствует из таблицы, треть респондентов полностью индифферентна к формам проявления религиозности политиков, еще треть с лишним отдает симпатии тихой, не бросающейся в глаза вере*, и лишь пятая часть при прочих равных предпочитает кандидата, публично демонстрирующего свою религиозность. В этой связи становится очевидным, что в настоящее время кандидату лучше не афишировать свои религиозные убеждения. Напротив, ему необходимо всячески подчеркивать, что вера — личное дело каждого человека и что в указанной сфере надо проявлять крайнюю деликатность.

Показательно, что позиция, которой придерживаются в этом вопросе люди неверующие, довольно близка к позиции верующих (хотя, конечно, последние с большей симпатией относятся к религиозности политика как таковой). Так, соотношение верующих и неверующих, выражающих готовность поддержать кандидата, не выпячивающего свою веру, составляет 45,4% к 34,2%. В то же время следует отметить, что по мере активизации публичной поддержки политиком церкви, расхождения в восприятии его верующими и неверующими увеличиваются. Например, посещение кандидатом служб по церковным праздникам одобряют 25,7% верующих и 11,8% неверующих, регулярное посещение церковных служб — 17,6% верующих и 9,1% неверующих, а участие в религиозном воспитании (неверующие безусловно оценивают его как пропаганду религии) — 20,8% верующих и лишь 7,2% неверующих. Все это также свидетельствует о том, что чем менее активно проявляет кандидат свои религиозные чувства, тем больше симпатий он вызывает у электората.

*** Хотя, согласно инструкции, допускалось любое количество ответов, абсолютное большинство респондентов, выбравших религиозность без публичного ее проявления, выделили только эту позицию.**

Поскольку в последнее время церковь стали посещать многие неверующие политики, было решено выяснить, как оценивает подобную практику население. Обнаружилось, что ее одобряют лишь 34,4% респондентов, тогда как 31,3% относятся к ней индифферентно, а 28,6% — негативно, вероятно, видя в таких посещениях проявление конъюнктурное™ и неискренности. В связи с этим стоит заметить, что политикам следовало бы поискать менее рискованные способы привлечения симпатий избирателей.

В ходе опроса была предпринята также попытка определить, соблюдения каких религиозных обрядов и правил избиратели ожидают от верующих кандидатов. Соответствующие данные приведены в *табл. 12,* однако хотелось бы привлечь особое внимание к следующему факту: вопреки зафиксированному в Конституции положению об отделении церкви от государства почти 10% опрошенных полагают, что при принятии политических решений верующему политику следует советоваться со служителями церкви.

Таблица *12*

Нормы поведения верующего кандидата (в % по столбцу)*

	Верующие	Неверующие	Всего
Ежедневное посещение церкви (мечети и др.)	3,5	2,1	3,0
Посещение церкви (мечети и др.) хотя бы раз в неделю	20,6	14,3	17,5
Посещение церковных служб во время всех религиозных праздников	25,2	16,5	20,9
Соблюдение всех постов и других накладываемых религией ограничений в еде	7,2	5,6	6,6
Регулярные встречи с исповедником	10,6	8,3	9,3
Раздача милостыни	18,9	11,2	15,8
Соблюдение требований, относящихся к внешнему виду (включая ношение предусмотренной религией одежды)	2,1	1,8	2,0
Обращение за советами к служителям церкви при принятии политических решений	11,5	6,1	9,5
Обучение своих детей в воскресной религиозной школе	7,5	4,7	6,7
Выполнение других религиозных требований	6,9	1,7	5,1
Верующий кандидат обязан делать все перечисленное	3,2	5,9	4,0
Верующий кандидат ничего из этого выполнять не должен	16,2	17,5	17,0
Затрудняюсь ответить или нет ответа	22,9	35,4	29,4

*** Допускалось любое количество ответов**

Из таблицы видно, что динамика ответов неверующих респондентов практически полностью воспроизводит динамику ответов респондентов верующих. Просто число верующих, которые транслировали соответствующие ожидания, во всех случаях превосходило число разделяющих такие ожидания неверующих. Впрочем, есть и одно исключение: доля неверующих, полагающих, что верующий кандидат должен выполнять все предписания религии, превышает аналогичную долю верующих. Это означает, что неверующим религия видится более строгой и формализованной, нежели самим верующим, прекрасно знающим границы соблюдения правил и канонов.

В заключение следует отметить, что как ни мало число тех, кому нравится активное участие кандидата в церковных делах, решительных противников церкви, готовых поддержать политика, который публично демонстрирует атеистическую и антиклерикальную позицию, еще меньше. Проповедь атеизма вызвала симпатию лишь у 3,8% опрошенных, преследование сектантов — у 2,6%, противодействие религиозному воспитанию — у 2,5%, преследование приверженцев нетрадиционных конфессий — у 1,8%. Исследование показало,

что радикально атеистическая позиция способна обеспечить кандидату поддержку не более 2-3% избирателей и при этом оттолкнуть от него 15-20% электората. Так, против кандидата, проповедующего атеизм, высказались 16,0% респондентов; против преследующего представителей нетрадиционных конфессий и сектантов — 17,0% и 19,0%, соответственно; против активно противодействующего религиозной пропаганде — 20,4%. Любопытно также, что подозрение в сатанизме может стоить политику 62,5% голосов. Недаром фабрикация разного листовок, газет и т.п., призывающих к поддержке того или иного кандидата от имени сатанистов, прочно вошла в арсенал так наз. грязных технологий.

Таким образом, можно констатировать, что и демонстративная религиозность, и радикальный атеизм сегодня крайне невыгодны для политика. Наибольшими симпатиями наших соотечественников пользуются кандидаты, воздерживающиеся от публичного выражения своих религиозных предпочтений. До тех пор, пока вера остается личным делом политика, отторжения его кандидатуры не происходит. } \ o если в надежде получить дополнительные голоса верующих он решит заявить о своих религиозных убеждениях публично, реакция электората может оказаться совсем не той, на которую он рассчитывал.

Алексеев Н.П. 1967. Методика и результаты изучения религиозности сельского населения. — *Вопросы научного атеизма.* Вып. 3. М.

Андрианов Н.П. 1975. *Эволюция религиозного сознания.* Л.

Базарбаев Ж., Садыков С. 1980. *Формирование научно-атеистического мировоззрения молодежи.* Нукус.

Воронцова Л.М., Филатов СБ. 1993. Религиозность — демократичность — авторитаризм. — *Полис,* № 3.

Гуров Ю.С. 1980. Некоторые методологические и конкретно-социологические проблемы исследования мировоззренческого индифферентизма в вопросах атеизма и религии. — *Проблемы истории религии и атеизма.* Чебоксары.

Дубов ИТ. 1989. *Такое многоликое влияние.* М.

Каариайнен К., Фурман Д.Е. 1999. Татары и русские — верующие и неверующие, старые и молодые. — *Вопросы философии,* № 11.

Кобецкий В.Д. 1978. Социологическое изучение религиозности и атеизма. Л.

Кублицкая Е.А. 1990. Традиционная и нетрадиционная религиозность. — *Социологические исследования,* № 5.

Лопатин Р.А. 1970. Процесс секуляризации в условиях социализма и его социологическое исследование. — *VII Международный социологический конгресс. Комитет социологии религии.* М.

Малашенко А. 2001. Еще один план обустройства России? — *Независимая газета,* 17.01.

Морозов М.А., Лисавцев Э.И. 1970. *Актуальные задачи атеистического воспитания.* М.

Мчедлов М.П. 1996. О состоянии религиозности в современной России. — Горшков М.К. и др. (ред.) *Национальное и религиозное.* М.

Степанов А.Я. 1987. Атеистическая пропаганда в зеркале общественного мнения. — *Научный атеизм и общественное мнение.* М.

Флетчер У. 1987. Советские верующие. — *Социологические исследования,* № 4.

Фромм Э. 1999. *Революция надежды.* СПб.